

стали ожидать. Ёсть ужасно хотѣлось, и этотъ зеленый растертый сыръ казался намъ самымъ лакомымъ кушаньемъ. Левъ Николаевичъ дѣлалъ разныя предположенія насчетъ В—ва, что онъ заблудился, или поѣхалъ дальней дорогой. Мы все время глядѣли вдаль, и все казалось, что вотъ-вотъ онъ подѣдетъ.

Помню, какъ совершенно случайно завязался у насъ здѣсь интересный разговоръ. Я говорила, что меня часто мучаетъ какой-нибудь пустякъ изъ моей жизни, который я потомъ разбираю. Бибиковъ добродушно засмѣялся и сказалъ, что это совершенно напрасно, что думать о томъ, что прошло, не стоитъ, что на свѣтѣ все прекрасно, и въ особенности «для васъ»,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и что мучиться никогда не надо.

Левъ Николаевичъ замѣтилъ, что анализъ въ молодости особенно мучителенъ и что онъ самъ перешелъ черезъ это. И часто онъ замѣчалъ въ другихъ, что иногда глупость, какъ, на примѣръ, ошибка во французскомъ языкѣ, гораздо болѣе мучаетъ, чѣмъ какой-нибудь дурной поступокъ.

— А вотъ теперь насъ прямо мучаетъ голодъ,—сказалъ онъ, смѣясь.—Поѣдѣте, можетъ быть, дорогой онъ нагонитъ насъ.

Пришлось голоднымъ снова сѣсть на лошадей и равняться. Проѣзжая мимо стада, мы обращались къ пастухамъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Не видали ли зайца въ полѣ?